

Пролог

Когда в Китае распространяется очередное модное поветрие, газеты называют его “лихорадкой”. В первые годы после открытия Китая миру население переболело “лихорадкой западного делового костюма”, “лихорадкой Сартра” и “лихорадкой домашнего телефона”. Почти невозможно предсказать, когда и где вспыхнет очередная “эпидемия” и к чему это приведет.

Деревню Сяцзя с населением 1564 человека поразила “лихорадка полицейского сериала ‘Хантер’”, известного в Китае как “Мастер-детектив Хэн Тэ”. В 1991 году, когда сериал начали показывать по китайскому телевидению, жители Сяцзя еженедельно собирались посмотреть, как работает детектив Рик Хантер из полиции Лос-Анджелеса, и ждали, что тот хотя бы пару раз произнесет коронную фразу: “Для меня сойдет” (он выглядел очень религиозным человеком, поскольку на китайский язык его слова перевели так: “На все воля Божья”). “Лихорадка Хантера” на каждого влияла по-своему. Несколько лет спустя, когда милиционеры в Сяцзя попытались обыскать дом крестьянина, тот потребовал “вернуться с ордером”: эту фразу он слышал от Хэн Тэ.

Я переехал в Китай в 2005 году. Прежде я слышал рассуждения о шестой части человечества и тектонических сдвигах в политике и экономике. Вблизи же оказалось, что самые глубокие перемены касаются повседневности, внутренней жизни людей. Главным “поветрием” стала вера китайцев в возможность изменить свою жизнь. Одни в этом преуспели, другие нет. Но важно, что все они бросили вызов самой истории. Лу Синь, самый знаменитый из современных писателей Китая, писал: “Надежда — это не то, что уже есть, но и не то, чего не бывает. Она — как дорога: сейчас ее нет, а люди пройдут — и протопчут”*.

Я провел в Китае восемь лет, наблюдая обычай “века амбиций”. В первую очередь это было время изобилия: метаморфоз оказался в сотню раз сильнейшим и в десять раз быстрейшим, чем во время Промышленной революции, породившей современную Англию. Китайцы уже не голодают (средний горожанин потребляет в шесть раз больше мяса, чем в 1976 году), но люди жаждут новых впечатлений, идей и уважения. Китай — крупнейший в мире потребитель нефти, кинофильмов, пива и платины. Там строят больше высокоскоростных железных дорог и аэропортов, чем во всех остальных странах.

Некоторым экономический бум доставил состояние: число миллиардеров в Китае растет быстрее, чем где бы то ни было. Среди плутократов есть и прожженные мошенники, и высокие начальники, и промежуточные варианты. Однако большинству населения расцвет лишь позволил сделать неуверенные шаги в сторону от нищеты. Это самый заметный единовременный рост благосостояния в современную эпоху. В 1978 средний доход в Китае составлял эквива-

* Пер. В. Сухорукова. — *Прим. пер.*

лент двухсот долларов. К 2014 году он достиг шести тысяч. Люди получили возможность жить дольше, быть здоровее и получать лучшее образование.

Смысль происходящего часто ускользал от меня. Приходилось обращаться к статистике. За годы моей работы в Китае протяженность линий пекинского метро увеличилась вчетверо, объем продаж мобильных телефонов — втрое, а объем пассажирских авиаперевозок удвоился. Но цифрами я был впечатлен меньше, чем не поддающейся измерению переменой: еще поколение назад туристы удивлялись однообразию страны. Для иностранцев Мао был “повелителем синих муравьев”, светским божеством страны спецвок и производственных бригад. Стереотипное представление о китайцах как о безликих и бесчувственных роботах частично сохранилось и сейчас: официальный Китай напоминал гостям, что это нация рабочих отрядов, коммун, самопожертвования.

Но в том Китае, который увидел я, национальная история, некогда монолитная, распалась на тысячи личных историй. Это время, когда амбиции деревенского правоведа могут подвергнуть испытанию отношения между двумя могущественными государствами. Это эпоха, когда крестьянская дочь может перейти от сборочного конвейера в зал заседаний совета директоров так быстро, что ей не хватит времени избавиться от деревенских манер и страхов. Это момент, когда личность становится движущей силой политической, экономической и частной жизни, а индивидуальность — качеством настолько важным для нового поколения, что сын шахтера может посчитать самым главным для себя — увидеть свое имя на книжной обложке.

От наступления “века амбиций” более всех выиграла Коммунистическая партия. В 2011 году она отпраздновала

девяностолетний юбилей — хотя в конце холодной войны это казалось немыслимым. Лидеры Китая поклялись не повторить ошибок Советского Союза. В 2011 году, когда рушились арабские диктатуры, КПК устояла. Партия отказалась от священных книг, но сохранила святых: Маркса забыли, но портрет Мао на площади Тяньаньмэнь — оставили.

Партия уже не обещала равенство или отмену тяжелого труда — она сулила процветание, гордость и силу. Некоторое время люди довольствовались этим. Потом они стали желать большего и, наверное, ничего не возраждали так сильно, как информации. Новые технологии внесли разлад в непрозрачную политическую культуру, тайны перестали быть тайнами, а люди, когда-то разобщенные, объединились. И чем больше партия пыталась ограничить распространение информации, тем настойчивее ее требовали рядовые китайцы.

Китай раздирают противоречия. Это крупнейший в мире рынок сбыта для “Луи Виттон” и второй (после США) — для “Роллс-Ройс” и “Феррари”. При этом страной правит марксистско-ленинская партия, вымарывающая слово “роскошь” на билбордах. Разрыв в показателях продолжительности жизни и доходов в богатейших городах Китая и его беднейших провинциях такой же, как между Нью-Йорком и Ганой. В Китае две самые дорогие в мире ИТ-компании и больше интернет-пользователей, чем в США, — и при этом правительство делает все для ограничения свободы выражения. Китай никогда не был настолько ярким, урбанизированным и процветающим, как теперь. И все же это единственная страна, где лауреата Нобелевской премии держат за решеткой.

Нынешний Китай иногда сравнивают с Японией 80-х годов: за сто квадратных метров в центре Токио тогда пла-